

24/X 89

Магне. сср
Хорог
Муж - драм. мастер

ДЕБЮТЫ

21 октября 1989 г. ◆ 7

Сов. кинематограф - 1989 - 21 окт - с 7

ПОПАСТЬ на спектакли Хорогского музыкально-драматического театра приезшему почти невозможно. Во-первых, достаточно двум-трем облакам вплыть в ущелье, по которому проходит авиатрасса, и рейсы отменяются тут же. Во-вторых, столица Советского Памира находится в погранзоне.

Здесь словно нет нужды в какой-то специальной, нарочно создаваемой культуре, надстраивающейся над повседневной, естественной жизнью. Ни в особом искусстве (так и хочется его закавычить!), вычленном из привычного хода вещей. Есть красота жизни — она самоценна.

Естественность, свобода, чистота. Трудно найти помещение, столь же любовно обихоженное, столь же опрятное, как памирский дом. Но и столь же обшарпанное, как единственная в Хороге гостиница, — надо поискать. Один из парадоксов здешней жизни: высокая и добрая традиционная культура множится на вопиюще скучную, трещащую по всем швам «цивилизацию». Горы Памира удивительно богаты: мрамор, дивные самоцветы, целебные источники, каких больше нет нигде в мире. Горно-Бадахшанская автономная область — одна из самых обделенных во всей стране. Люди здесь — приветливы и прекрасны, чего не скажешь о чиновниках. Едва ли

И вот—аншлаг

*Он стал возможен в самом высокопоставленном
(над уровнем моря) театре страны,
когда со сцены заговорили на шугнани.*

не единственное исключение — народный депутат Д. Худоназаров (впрочем, он и не чиновник, а председатель Союза кинематографистов).

Как любят здесь своего депутата — не описать. Водители ставят его фотографии на ветровое стекло!

...Поскольку туристы до Хорога добиваются нечасто, привычных росписей на скалах, к счастью, не видно. Но с маловероятной высоты долину осеняет старательно выведенное гигантскими буквами по зеленому склону: «Слава дважды орденоносному Советскому Памиру!». Прямо над театром, который в свою очередь украшен не менее знакомым лозунгом. Само здание в привычно аварийном состоянии: помнят об этом, кажется, только те, кто в нем работает.

Стоит ли, однако, творческая работа Хорогского театра тех денег — пу-

скай ничтожных, — которые на нее затрачиваются? Год назад я не рискнул бы дать ответ однозначно утвердительный. Прежде всего это не работа, а мука мученическая: так колесить по холодным клубам с концертами, так бестрепетно выходить на сцену перед пустующим залом, так надрываться в пустейших комедиях да еще и жить так, как живут актеры Памира (одаренная актриса, вдобавок еще и председатель местного союза, вместе с мужем, детьми — на неполных девяти квадратных метрах) — да кому нужен этот безнадёжный героизм? Не денег — людей жалко.

Все изменил один спектакль. Единственный, и в техническом отношении — не намного более совершенный, чем все предыдущие. Та же преувеличенно эмоциональная игра на грани дилетантизма, та же несме-

лая режиссура, чуть менее аляповатая сценография... И все другое: темперамент, осмысленность работы, трепетность атмосферы. В зале аншлаги.

«Золотой кишлак» — первый спектакль, сыгранный театром на том языке, на котором говорят жители Хорога. Это не торжество театра — это торжество возвращения к собственной культуре. Радость узнавания примет своего быта, полноправие языка.

Все невыделанное, непродуманное, нарочитое в премьере Хорогского театра странным образом уходит на задний план. Каждая сцена, каждая роль в «Золотом кишлаке» может быть подвергнута жесткому критическому разбору: заслуженно нелицеприятному. Общее ощущение подлинности, жизненной важности происходящего на сцене, то, что отзывается в преисполненном благодарности зале, — разбору не подлежит.

Существенная подробность памирской жизни: очень многое в ней делается общими усилиями: всем селом строят дом тому, у кого его нет, в складчину отмечают праздники. Здесь не торгуют почти ничем — делятся. Как выяснилось, и искусством тоже.

А. СОКОЛЯНСКИЙ.
ХОРОГ — МОСКВА.